

РЭЙ ХАРТ

ПЫШКА
НА ОСТРОВЕ

18+

как выйти замуж за миллионера

Рэй Харт

Пышка на острове. Как выйти замуж за миллионера

<https://litres.ru/73999786>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лиза Мышкина — бухгалтер со стажем, коллекционер резиновых уток и дочь пенсионера-огородника, который уже заскучал по внукам. Её подруга Ира уверена: спасение от тоски и московских будней только одно — Америка, казино и богатые мужчины. Что может пойти не так?

Всё. Абсолютно всё.

Вместо джекпота — бар «Безумный кайот» и коктейль «Глаз дракона». Вместо флирта — утро в гамаке на частном пляже, чужой купальник и обручальное кольцо на пальце. А вместо благодарного мужа — мрачный красавчик Алекс, который считает её аферисткой, называет «толстухой» и грезит о разводе.

Сможет ли московская бухгалтерша пережить месяц в раю, не потеряв чувство юмора, и случайно не влюбиться в собственного мужа? И главное — кто кого сведёт с ума первым?

Осторожно: книга вызывает неконтролируемое желание купить резиновую уточку и пересмотреть свои взгляды на пышные формы.

Рэй Харт

Пышка на острове.

Как выйти замуж за миллионера

Часть 1.

Глава 1. В которой бухгалтерская смета сходится с коктейлем «Глаз дракона»

Лиза Мышкина ненавидела свою работу ровно на три с половиной тысячи рублей в месяц — именно столько стоил её антистрессовый набор «Бухгалтер, выпей чаю», который она покупала каждый квартал. Она сводила дебет с кредитом с такой педантичностью, что даже цифры начинали плакать, когда видели её в коридоре.

Двадцать семь лет, своя двушка в Москве, где половину её комнаты занимает коллекция резиновых уточек (она коллекционирует их с детства, и это единственное, что вызывает у отца тихую грусть), папа-пенсионер, который каждое воскресенье привозит ей солёные огурцы и спрашивает: «Ну когда ты уже родишь мне внука, а? Я выращу, его так же хорошо как наши помидоры».

— Вырастишь, пап, обязательно вырастишь, — отвечала

Лиза, вздыхая и поправляя кружево на полной, но очень красивой груди. Да, она была пышкой. Не той унылой пышкой, которая прячется в балахонах, а той, которую в Италии называли бы «белла дона», а в Америке — «Чёрт, девушка, да ты пышка!»

«Вау, подруга, ну ты и сочная!»

«Ого, детка, да ты с формами!»

Светлые волосы падали на плечи тяжёлой волной, губы были такими полными, будто их нарисовал обиженный на весь мир художник-мультипликатор, а зелёные глаза цвета плесени на старом сыре (она сама так часто шутила, потому что бухгалтерский юмор — это отдельный вид пытки) могли заставить даже самого строгого аудитора забыть, зачем он пришёл.

Мама умерла, когда Лизе было тринадцать. С тех пор она научилась делать три вещи: варить вкусный борщ, заполнять декларацию 3-НДФЛ и не плакать при виде свадебных платьев в витринах. Последнее удавалось хуже всего.

Ира — её подруга с институтских времён, худая как вешалка, громкая как отбойный молоток и такая же настойчивая — однажды заявила:

— Лиза, копи на отпуск. В этом году мы едем в Америку. И я тебе клянусь своей маленькой грудью (Ира была честной даже в мелких деталях), что мы найдём себе мужей. Не каких-нибудь алкашей с нашего района, а настоящих богачей. С огромным домом и видом на океан.

— А почему в Америку? — спросила Лиза, пересчитывая в уме уже сэкономленные на обедах деньги.

— Потому что в России все хорошие мужики, — Ира сделала страшные глаза, — либо в тюрьме, либо уже женаты на наших одноклассницах. А в Лос-Анджелесе есть казино, а в казино сидят богатые успешные мужчины, которые проигрывают миллионы и в отчаянии ищут утешение в женских объятиях. Это же классика! Ты фильмов что-ли не смотрела?

Лиза хотела возразить, что классика — это «Война и мир», а не «в казино мужчины ищут утешение», но у неё был год, чтобы копить. И она копила. Отказывала себе в лишней булочке (это было тяжело, потому что булочки её любили), в такси (московское метро воспитывает характер), в новой резиновой уточке (это было больше всего).

И вот он, долгожданный день. Аэропорт Шереметьево, откуда они вылетают в Лос-Анджелес. Перелёт в двенадцать часов, во время которого Лиза дважды пересчитывала взятую наличность, один раз заплакала над фильмом про собаку и трижды подумала: «Господи, зачем я это делаю?» Потом она вспомнила папино желание иметь внука и немного успокоилась.

Отель они выбрали недорогой, но с претензией. На сайте было написано: «Уютные номера с видом на городскую суету». На деле это означало: из окна видна мусорка, а по ночам кто-то орёт на мексиканском. Зато две кровати — узкие, скрипучие, но есть. Ира сразу же рухнула на свою, раскинув

руки в стороны, и объявила:

— Сегодня идём в казино. У меня созрел грандиозный план.

— У тебя всегда есть план, — вздохнула Лиза, развешивая свои платья в шкафу. У неё было три платья на двенадцать дней: одно для казино (чёрное, с блёстками, делающее её похожей на диско-шар, которому надоело быть шаром), одно для пляжа (слишком маленькое, но Ира сказала: «Ничего, американцы любят всё большое»), и одно — запасное, на случай, если первые два порвутся.

Ира, которая упаковала чемодан с точностью снайпера — минимум одежды, максимум косметики — натянула на себя алое платье, от которого у нормального мужчины должен был случиться инфаркт, и сказала:

— Лизка, ты готова покорить Америку?

— Я готова не опозориться, — ответила Лиза, поправляя лиф. В чёрном платье с блёстками она чувствовала себя неуклюжей, как бегемот в пачке. Но зелёные глаза горели, губы были накрашены в цвет «ягодный грех», а волосы лежали так, будто их делал профессиональный стилист, а не дешёвый фен из «Ашана».

Казино оказалось огромным. Сверкающим. Воняющим чужими деньгами и надеждами. Лиза подошла ко входу, поправила грудь (она всегда это делала, когда нервничала) и улыбнулась охраннику — чернокожему гиганту с таким лицом, будто он уже видел всё это тысячу раз.

— Документы, пожалуйста, — сказал он на чистом английском, даже не улыбнувшись.

Лиза полезла за паспортом. Ира тоже. Девушки протянули документы.

Охранник посмотрел на их паспорта, потом на них, потом опять на паспорта. И выдал фразу, которую они запомнят на всю жизнь:

— Вы не допускаетесь. Нарушение дресс-кода.

Лиза не сразу поняла. Она перевела взгляд на Иру. Ира перевела взгляд на Лизу.

— Что не так с нашими платьями? — спросила Ира по-английски, и в её голосе звучала такая обида, что даже охранник чуть смягчился.

— Мэм, — сказал он, кивая на декольте Лизы, — это казино, а не частная вечеринка.

Позже, когда они отошли на безопасное расстояние, Ира перевела:

— Он сказал, что мы выглядим как девочки по вызову с неплохой скидкой. В смысле, мы слишком сексуально одеты.

Лиза покраснела так, что даже блёстки на платье стали отливать розовым.

— Я же говорила, нужно было взять моё серое, оно скромнее!

— Серое делает тебя похожей на мышь, которую переехал каток! — отрезала Ира, сверкая глазами. — Не переживай. Идём тогда гулять.

Они пошли по ночному Лос-Анджелесу. Вокруг — огни, вывески, запах жареных сосисок и бензина. Ира шагала впереди, цокая каблуками, а Лиза плелась сзади, чувствуя, как на неё смотрят.

Смотрели все. Особенно афроамериканцы. Или, как их называла Ира после второго коктейля, «очень выразительные молодые люди в капюшонах». Они не делали ничего плохого. Они просто глазели. С таким интересом, будто Лиза и Ира были двумя инопланетными принцессами, которые случайно приземлились не в Беверли-Хиллз, а в Южном Централe.

— Ира, — шепотом сказала Лиза, — почему они на нас так смотрят?

— Потому что мы красивые, — ответила Ира, но в её голосе уже не было прежней уверенности.

— Нет, — Лиза оглядела себя. — Кажется, моя левая грудь выпала из декольте.

Ира резко обернулась. Нет, грудь была на месте. Но платье действительно сидело так, будто Лиза собиралась не в казино, а на кастинг в фильм для взрослых с бюджетом в три копейки.

— Ладно, — сказала Ира, заметив вывеску. — Давай зайдём сюда. «Безумный кайот». Название многообещающее. Бар всегда лучше, чем улица, где на тебя glareют как на бесплатный фастфуд.

Бар «Безумный кайот» (Crazy Coyote) оказался именно

таким, как ожидаешь от заведения с таким названием. Пол липкий, стойка потёртая, в углу играет музыка, которую можно описать как «кантри, наевшийся кактусов». Но место казалось безопасным. И главное — там подавали выпивку.

— Два текилы с сюрпризом, — сказала Ира бармену, молодому парню с татуировкой черепа на шее.

— Сюрприз будет в том, что мы не знаем, сколько там градусов, — пробормотала Лиза, садясь на высокий стул.

Первый коктейль она выпила за десять секунд. Второй — за семь. Третий — она уже не помнила, за сколько, потому что на третьем к ней пришло то самое чувство, которое бухгалтеры называют «отпуск разрешён, плевать на отчётность». Ира заказала четвёртый. И пятый. И какой-то «Глаз дракона», который светился в темноте и на вкус был как жидкая жвачка с перцем.

К ним подсели двое мужчин.

Лиза, уже набравшая нужную кондицию, моргнула и попыталась сфокусироваться. Первый был высоким брюнетом с лёгкой небритостью, широкоплечий, одет в пиджак, который, наверное, стоил больше, чем её двушка в Москве. Второй — шатен с веснушками и улыбкой от уха до уха, смотрел на Иру так, будто она была небожителем.

— Привет, леди, — сказал брюнет. Голос у него был низкий, бархатный, как у диктора, который рекламирует дорогой виски. — Позвольте, угостить вас напитком?

— Мы сами кого хочешь купим, — ответила Ира по-рус-

ски, потом перевела им по английски:

— Да, пожалуйста, мы очень хотим пить. И мы очень одиноки. Но больше всего хотели бы выпить.

Лиза хихикнула. Она хотела сказать что-то умное, но язык вдруг стал тяжёлым, как бетонный блок. Она посмотрела на брюнета, и её зелёные глаза, которые сейчас были слегка стеклянными, встретились с его карими. Он улыбнулся. У него были белые зубы и такая уверенная посадка головы, что Лиза сразу поняла: этот мужчина никогда в жизни не заполнял декларацию 3-НДФЛ.

— Я, Алекс, — сказал он, по-английски. — И это мой друг, Дейв.

— Лиза, — выдохнула она. — Это значит... ну, неважно.

Ира уже вцепилась в Дейва мёртвой хваткой и что-то рассказывала про российские зимы, перемежая английские слова с русскими матерными вставками. Дейв не понимал, но кивал с видом профессора лингвистики.

Алекс сел рядом с Лизой. Она почувствовала запах его одеколона — терпкий, с нотками кожи и денег. Он положил руку на стойку рядом с её локтем — не прикасаясь, но так близко, что кожа Лизы покрылась мурашками.

— Вы просто прекрасны, Лиза, — сказал он.

— Ты бы видел меня утром без макияжа, — ответила она по-русски, потом попыталась перевести: — You... would see me... in morning... no paint on face... like a potato.

Алекс рассмеялся. Глубоко, гортанно. И налил ей ещё

один коктейль.

Это была ошибка.

Лиза выпила. Потом ещё. Потом она смутно помнила, как Ира и Дейв куда-то отошли — кажется, танцевать под песню, которая играла на повторе уже в десятый раз. Она осталась с Алексом. Он что-то говорил, она смеялась, хотя он, вероятно, говорил о курсах доллара или о своей яхте. Ей было всё равно. Ей было тепло, хорошо и слегка тошно, но тошноту она отогнала силой мысли, как опытный йог.

— Я никогда не была замужем, — вдруг выпалила она по-английски, и этот факт показался ей верхом остроумия. — Знаешь почему? Потому что у меня есть уточки. Они заменяют мне мужчин.

— Ducks? — переспросил Алекс, поднимая бровь.

— Резиновые, — пояснила Лиза, — they are rubber. And they never cheat.

Алекс явно решил, что это метафора, и кивнул с серьёзным лицом. Он придвинулся ближе. Его колено коснулось её колена. Она не отдернула ногу. Наоборот — ей показалось, что это приятно. Как будто её тело вспомнило, что оно вообще-то женское и может хотеть не только кексики и новую уточку в коллекцию.

Она взяла бокал. Выпила.

А потом всё поплыло.

Бар «Безумный кайот» закружился в безумном танце. Огни стали длинными полосами, как на фото из девяностых.

Лиза попыталась сказать что-то умное про амортизацию основных средств, но из её рта вылетело только: «Алекс, у тебя... красивая родинка... на шее... она похожа на маленькую... уточку».

Он засмеялся. Или нет? Она уже не различала.

Ира вдруг возникла перед ней, как видение — размазанное, но настойчивое.

— Лизка, ты чего? Ты зелёная!

— У меня глаза зелёные, — с достоинством ответила Лиза. — И вообще, я... я сейчас... я посижу тут, на этом прекрасном диване. Он кожаный. Как у настоящего мачо. Я буду мачо.

Она встала со стула, сделала два шага в сторону кожаного дивана у стены, грациозно (как ей казалось) рухнула на него, поджала ноги, положила голову на подлокотник и закрыла глаза.

— Сейчас, — пробормотала она, — я отдохну одну минуточку... и мы пойдём... искать мужей... богатых... с яхтами... Алекс, ты где? У тебя есть яхта?

— Lisa, are you okay? — голос Алекса доносился откуда-то сверху.

— Я в полном порядке, — выдохнула Лиза, чувствуя, как кожа дивана прохладно липнет к её щеке. — Я бухгалтер. Я могу спать где угодно. Даже... даже на балансе.

Ира пыталась её поднять, но Лиза уже была в том состоянии, когда тело становится мешком с картошкой, а сознание

отключается как старый компьютер: без предупреждения, с тихим «пиу» и мыслью о том, что всё самое важное не сохранено.

Последнее, что она осознала — это Алекс, склонившийся над ней, его рука, гладящая её по волосам, и его голос, полный одновременно беспокойства и восхищения:

— О... детка, ты самый очаровательный пьяный бухгалтер, которого, я когда-либо встречал

А потом — тьма.

Глубокая, тёплая, пахнущая кожей дивана, чужим одеколоном и будущим стыдом, который накроет её завтра утром вместе с похмельем и осознанием, что она уснула в баре в Лос-Анджелесе в платье с блёстками, а её подруга сейчас, наверное, целуется с каким-то Дейвом на танцполе.

Ира потом расскажет, что Лиза во сне пробормотала: «Дебет с кредитом... я тебя сведу... я тебя... уточкой...» — и улыбнулась.

Это была самая эротичная улыбка, которую Алекс видел в своей жизни. Он снял пиджак и укрыл её, потому что в баре было прохладно. А потом сел рядом и заказал себе виски.

Глава 2. В которой океан впервые видит русскую бухгалтершу, а безымянный палец получает повышение

Лиза Мышкина умерла.

Нет, не буквально. Но её организм подал заявление на увольнение, и, кажется, профсоюз его одобрил. Голова раскалывалась так, будто внутри поселился маленький отбойный молоток, которым управлял обиженный гном. Во рту было такое ощущение, будто там переночевала кошачья семья, причём без подстилки. А язык напоминал наждачную бумагу, которой оттирали сковородку после неудачного эксперимента с «Глазом дракона».

Но самым ужасным была жара.

Не московская, привычная, когда прячешься в тени и пьёшь квас. Нет. Это была американская жара — наглая, влажная, она залезала под кожу и устраивалась там на постоянное место жительства, прямо рядом с чувством стыда. Лиза лежала с закрытыми глазами и пыталась понять, почему её тело расположено не горизонтально, а как-то подозрительно вогнуто, словно она — банан, которого попросили изобразить гамак.

Гамак.

Она резко открыла глаза — и мир поплыл. Бежевый потолок из плотной ткани, сетка, сквозь которую просвечивает солнце. Где-то рядом кричат птицы. Не воробьи, нет — такие наглые, гортанные, явно американские птицы, которые пьют кофе и жалуются на ипотеку.

Лиза с трудом приподняла голову. Шея затекла, потому что она спала в позе, которую йоги назвали бы «креветка в стрессе». Глаза слипались, но она протёрла их кулаками —

и мир наконец сфокусировался.

Голубой.

Сначала она подумала, что у неё галлюцинации. Что это инстаграм-фильтр, наложенный на реальность. Но нет. За какие-то жалкие сто шагов от неё — может, чуть больше, Лиза пока не могла оценивать расстояния трезво — плескалось нечто такое огромное, синее и бесконечное, что у неё перехватило дыхание.

Океан.

Она никогда не видела океан. Максимум — Чёрное море в Анапе, где вода напоминает рассол, а галька норовит залезть в купальник. Здесь же вода была цвета... какого? Она перебирала в голове названия из своих карандашей для рисования по номерам. «Бирюзовый»? Нет, слишком зелено. «Кобальт»? Слишком темно. «Цвет спокойной истерики»? Вот это ближе.

Волны накатывали на белый песок с ленивой грацией сытого кота. Далеко на горизонте маячила яхта. Воздух пах солью и свободой — и, если честно, немного рыбой, но Лиза решила об этом не думать.

— Господи, — прошептала она осипшим голосом. — Как бы здесь шикарно смотрелась моя новая жёлтая уточка.

Это была самая искренняя мысль, которая посетила её за последние двенадцать часов. Она живо представила: резиновую уточку на волнах, её глупую мордочку, которая плывёт к горизонту, а за ней — вся коллекция. Папа бы сказал: «Лиз-

ка, ты дура, но дура с хорошей фантазией».

Она попыталась встать.

Тело издало звук, похожий на скрип несмазанной телеги. Ноги отказывались слушаться, живот бурчал на языке, который Лиза не понимала, но подозревала, что это ругательства. Её повело в сторону, потом в другую, и только чудом она не рухнула обратно в гамак, а устояла — на не твёрдых ногах, с закрытыми глазами, как новорождённый жираф.

— Ира! — крикнула она. Получилось не крик, а сипение умирающего тюленя.

Она огляделась. Пляж. Белый песок, который неприлично хрустел под ногами. Пальмы — настоящие пальмы, не в горшках из «Леруа Мерлен», а живые, растрёпанные, с кокосами, которые явно замышляли недоброе. Вдалеке — большой дом. Белый. Двухэтажный. С террасами, колоннами и таким количеством окон, будто архитектору не доплатили за стены.

— Это не наш отель, — констатировала Лиза вслух. — Наш отель пах мочой и мексиканскими песнями. А здесь пахнет... большими деньгами.

Она опустила взгляд на себя. И замерла.

На ней был купальник.

Не тот, который она брала в поездку — розовый, с рюшками, который делал её похожей на зефир. Нет. На ней был чёрный раздельный купальник с высокой талией и таким лифом, который поддерживал грудь бережно и надёжно, слов-

но был оплачен отдельным чеком. Сверху — лёгкая накидка из полупрозрачной ткани, цвета слоновой кости. Всё вместе выглядело так, будто её одевал стилист с хорошим вкусом и большим бюджетом.

— Как они нашли мой размер? — удивилась Лиза, подёрнув бретельку. — В Америке же всё на два размера меньше или на два больше, а тут... идеально.

Она сделала шаг к дому. Песок обжигал пятки — там, где не доставала тень. В голове билась одна навязчивая мысль, кроме пульсирующей боли: «Что вчера было? Что вчера было?» Она помнила бар «Безумный кайот». Кожаный диван. Алекса — красивого, высокого, с родинкой на шее, похожей на уточку. А потом — темнота. И всё.

— Я больше никогда не буду пить, — пообещала себе Лиза, спотыкаясь о собственную ногу. — Никогда. Даже сок. Даже квас. Даже если папа привезёт свой самогон, который он гонит в бане.

Она шла к дому, когда что-то блеснуло на солнце. Прямо на её пальце. На безымянном пальце левой руки.

Лиза остановилась так резко, что если бы была машиной, её бы оштрафовали за резкое торможение. Она поднесла руку к лицу — и мир вокруг неё перестал существовать.

Кольцо.

Обручальное кольцо.

Тонкое платиновое кольцо с большим бриллиантом, который сейчас сверкал так нагло, будто говорил: «Да, детка, я

здесь».

— Нет, — сказала Лиза. — Нет-нет-нет-нет-нет.

Она села на песок. Попа шлёпнулась в горячее, но она не почувствовала — все рецепторы были заняты паникой. Она сидела на пляже в Лос-Анджелесе (или где она вообще?), в чужом купальнике, с обручальным кольцом на пальце, и понятия не имела, кто её муж.

— Я слышала, что в Америке можно пожениться за десять минут, — пробормотала она, глядя на океан, который издевательски плескался вдали. — Но чтобы настолько... мы же вчера только прилетели! Я даже паспорт не успела потерять, а уже появился муж!

Она попыталась вспомнить Алекса. Красивый. Да. Родинка в виде уточки. Но может ли она выйти замуж за человека, с которым разговаривала только на уровне «ты похож на картошку» и «у меня есть резиновые уточки»?

Она кое-как поднялась, отряхнула песок с попы (песок был везде, куда не надо, как назло) и заковыляла к дому. Белый дом приближался, становясь всё более нереальным. Бассейн. Шезлонги. Барная стойка на открытой террасе. И на диване — распластанное тело.

Ира.

Ира лежала на животе, раскинув руки и ноги в стороны, как морская звезда, которую накрыли одеялом. На ней была огромная мужская рубашка в клетку, а её волосы торчали во все стороны так, будто они пытались сбежать от похмелья.

— Ира! — Лиза подбежала и потрясла подругу за плечо.

— Ирка, вставай!

— М-м-м-м, — сказала Ира. — Ещё пять минут. Или лет. Не важно.

— Ира, проснись! — Лиза трясла сильнее, до хруста в суставах. — Где мы? Что вчера было? Почему на мне обручальное кольцо?!

Ира нехотя приоткрыла один глаз. Потом второй. Она посмотрела на Лизу, потом на небо, потом снова на Лизу, и её лицо приняло выражение человека, который пытается вспомнить, как его зовут.

— Лизка, — прохрипела она. — Ты чего орёшь? У нас отпуск же. Отстань.

— Ира! — Лиза поднесла свою левую руку к самому носу подруги. — Кольцо! Что это?!

Ира моргнула. Она сфокусировалась на кольце, потом перевела взгляд на свою собственную руку, которая безвольно свисала с дивана. И замерла.

На её пальце — тоже на безымянном — красовалось кольцо. Только не платиновое, а золотое, с тремя маленькими бриллиантами, выложенными в линию, как три икринки.

— Ой, — сказала Ира. — А это что?

— Это обручальное кольцо! — Лиза уже почти кричала. — У нас обоих! Мы что, вышли замуж?! Вчера?!

Ира медленно села, держась за голову одной рукой, а на второй всё ещё разглядывая кольцо. Она сделала глубокий

вдох, закрыла глаза, и её лицо — бледное, с размазанной тушью (которая чудесным образом превратила её в панду-алкоголика) — вдруг осветилось.

— Точно! — выдохнула Ира, подскакивая так резко, что Лиза отшатнулась. — Я вспомнила!

— Что ты вспомнила?! — Лиза вцепилась в подругу, готовая целовать её за любую информацию.

— Мы же вчера замуж вышли! — Ира схватила Лизу за плечи, и её глаза — красные, опухшие, но безумно счастливые — впились в Лизу. — За Алекса и Дейва!

Наступила минутная тишина.

Океан плескался где-то там, в стороне. Птицы орали. Косы нагло смотрели.

— Я вышла замуж за Алекса? — переспросила Лиза тихо, почти шёпотом.

— Да! — Ира кивнула, и её подбородок дрогнул. — А я за Дейва. Мы поехали в какую-то часовню! Там был Элвис! Настоящий Элвис! Ну, наверное, не настоящий, но он пел! И мы подписывали какие-то бумаги! Ты плакала! Я тоже плакала! Потом мы ели пиццу в лимузине! Потом...

Ира замолчала, потому что Лиза медленно сползла обратно на песок.

— Я вышла замуж, — повторила Лиза, глядя в никуда. — За человека, которого знаю... шесть часов? За человека, который думает, что я картошка? За человека, у которого родинка в виде уточки?

— Это судьба! — заявила Ира, неожиданно оживившись.

— Лизка, ты чего? Он богатый! Ты видела этот дом? Он огромный! Там, наверное, есть место для всех твоих уток!

— Ира, — Лиза подняла на неё мутные зелёные глаза. — Я бухгалтер. Я считаю чужие деньги. А теперь мне, наверное, надо считать свои? Или его? Или наши? Я даже не знаю, как его полное имя! Вдруг его зовут Алекс Бубенцов? Или Алекс Подзатыльников? Я вышла замуж за мужчину, чью фамилию я могу узнать только из свидетельства о браке, которое, я надеюсь, не лежит в моей сумочке, потому что если лежит — я сейчас умру!

Ира задумалась. Потом полезла в сумочку, которая валялась на соседнем шезлонге. Пошарила. И достала свидетельство о браке.

— Лежит, — сказала она виновато.

Лиза издала звук, похожий на сдувающийся шарик.

— Читай, — прошептала она. — И дай мне умереть сразу.

Ира развернула документ. Её глаза пробежали по строчкам.

— Алекс... Хантер... — прочитала она по слогам. — Тридцать два года. Холост — то есть был холост. Место жительства — Лос-Анджелес, Малибу, этот самый адрес.

— Малибу? — Лиза моргнула. — Это где сериал снимали? Где богатые и красивые?

— Да. — Ира кивнула. — Лизка, ты вышла замуж за жителя Малибу. Ты теперь Лиза Хантер. Или Мышкина-Хан-

тер? Или Хантер-Мышкина? Как свою уточку назовёшь, так и поплывёт.

Лиза закрыла лицо руками. Сквозь пальцы она видела океан — синий, бесконечный, прекрасный. Океан, который она никогда не видела раньше. Океан, который, казалось, сейчас смеялся над ней.

— Я хочу домой, — сказала она в ладони. — К папе. К огурцам. К моим уточкам.

— Ты дома, — резонно заметила Ира. — У тебя теперь новый дом. С видом на океан. И, между прочим, с мужем, который, если я правильно помню вчерашнее, сказал тебе, что ты самая красивая картошка в его жизни. А для первого знакомства, по-моему, это неплохо.

Лиза убрала руки от лица. Посмотрела на кольцо. Потом перевела взгляд на дом, потом на океан.

— Он сказал «картошка»?

— Ну, «potato». Это почти одно и то же.

Она глубоко вздохнула. В груди внезапно хрустнуло — то ли чувство юмора вернулось на место, то ли ребро сдвинулось от стресса.

— Ладно, — сказала Лиза твёрдо, как человек, который подводит годовой баланс и видит недостачу, но не впадает в панику, а идёт пить кофе. — Сначала — душ. Потом — кофе. Потом — я найду этого Алекса. И тогда...

— Что тогда?

— Тогда я спрошу, есть ли у него купон на возврат.

Ира засмеялась — сначала хрипло, потом всё громче, запрокинув голову к безоблачному калифорнийскому небу. А Лиза ещё раз посмотрела на своё кольцо, и где-то глубоко внутри — под слоем похмелья, паники и бухгалтерской дисциплины — ей вдруг стало немножко тепло.

Может быть, от солнца.

Может быть, от того, что она всё-таки увидела океан.

А может быть, от того, что Алекс Хантер, её новый муж, которого она не помнит, поставил гамак в самый лучшей тени на всём пляже.

Глава 3. В которой дом оказывается островом, остров — ловушкой, а решимость растёт с каждым шагом

Решение обойти дом возникло спонтанно, как все гениальные и дурацкие идеи в похмельном угаре. Лиза допила остатки кофе из чашки, которую нашла на террасе (кофе остыл, горчи и пах подозрительно — то ли виски, то ли вчерашним «Глазом дракона»), и сказала:

— Ир, нам нужно понять, где мы находимся. И самое важное, с кем. И почему я проснулась в гамаке, а ты — в чужой рубашке на диване.

— Я в курсе, что я в чужой рубашке, — ответила Ира, с подозрением разглядывая себя. — Кажется, это рубашка Дейва. На нём была такая же клетчатая, когда он танцевал. Он танцевал так, будто у него три ноги и все левые.

— Не хочу знать, — отрезала Лиза и потянула подругу за собой. — Пошли.

Дом встретил их необычайным порядком и тишиной. Не той московской тишиной, когда соседи сверху сверлят, а снизу орут, а за стенкой кто-то учится играть на гитаре «В траве сидел кузнечик» пятый год подряд. Нет. Здесь была тишина дорогая, уверенная в себе, такая, какая бывает только в местах, где за квадратный метр платят больше, чем Лиза зарабатывает за полгода.

Кухня оказалась первым шоком.

Огромная. Светлая. Вся в белом мраморе и дереве цвета дорогого шоколада. Остров посередине — да, настоящий кухонный остров, за которым можно разместить человек десять, а можно устроить танцы. Холодильник размером с небольшую «Ладу». Кофемашина, которая выглядела так, будто управляет космическим кораблём, а не варит эспрессо. Две раковины. Две посудомойки. Две духовки. И полка с кухонной утварью, где Лизе показалось, что некоторые приборы она видела только в программе «Кулинарный гений» на канале «Еда».

— Мы можем такую купить? — спросила Ира, проводя рукой по мраморной столешнице. — Я про эту кофемашину.

— Ира, мы не знаем, где находимся, у нас на пальцах кольца, а ты хочешь кофемашину?

— Лизка, у тебя приоритеты сбились. Кофе — это жизнь. Мужчины — это... ну, тоже жизнь, но кофе делает тебя че-

ловеком с утра, а мужчины — наоборот.

Лиза не стала спорить. Она нажала на кофемашине кнопку с надписью «Latte» (кнопок было тридцать семь, и она молилась, чтобы не сломать ничего), и через несколько секунд из носика потекла ароматная жидкость цвета топлёного молока. Горячо. Божественно.

— Я могла бы привыкнуть к такому утру, — признала Лиза, делая глоток.

Второй этаж оказался ещё более впечатляющим. Лестница из светлого дерева, без единого скрипа (Лиза специально проверила — она привыкла к скрипучей лестнице в своей хрущёвке, где каждая ступенька жаловалась на жизнь). Коридор с высокими потолками. Картины на стенах — не репродукции, а настоящие, с жирными мазками и ценами, которые, наверное, переводили бы в рубли с восемью нулями.

— Если мы здесь не гости, а хозяйки, — прошептала Ира, — то я забираю эту картину в случае развода.

— Ира, мы ещё не знаем, были ли у нас свадьбы по-настоящему.

— Кольца-то есть. А кольца просто так не дают. Даже в Америке.

Они открывали двери одну за другой. Спальня — гостевая, с голубыми стенами и кроватью, на которой можно устроить чемпионат по борьбе. Ещё одна спальня — с видом на задний двор и пальмами. Третья — явно мужской кабинет, где пахло кожей, книгами и где на столе стоял ноутбук,

который Лиза хотела открыть, но передумала — бухгалтерская этика существовала, даже в Америке, даже с похмелья.

И наконец — главная спальня.

Дверь была приоткрыта. Лиза толкнула её носком ноги (свои босоножки она так и не нашла, ходила босиком по холодному полу, и это было непривычно приятно) — и замерла.

Комната оказалась огромной. Белые стены, светлые шторы, высокий потолок с лепниной. Кровать — королевских размеров, с балдахином из полупрозрачной ткани, который колыхался от лёгкого ветерка с балкона. Балкон был открыт, и оттуда тянуло солёным океаном и зеленью. Вся комната была выдержана в оттенках белого, слоновой кости и песка — так, будто сюда принесли кусочек пляжа и забыли убрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.